

Несчастный случай и самоубийство — это разные вещи. Смерть Цзян Хэлая касалась только его самого, а если бы в котельной погибли люди, ответственность легла бы на руководство. К тому же этот год был ещё далёк от того безумного года Бин-у, и нельзя было объяснять всё просто как «причина смерти неизвестна».

Два смелых рабочих попытались открыть дверь котельной, но обнаружили, что она заперта изнутри, и снаружи её невозможно было открыть. В конце концов, руководитель завода приказал снять разбитое окно целиком, чтобы заглянуть внутрь. Человек, который залез внутрь, уже работал большую часть дня, и вдруг почувствовал запах жареного мяса, ароматный и аппетитный. Он даже почувствовал голод, но, посветив фонариком внутрь, чуть не вырвало.

Он высунул голову из окна, и руководитель завода спросил:

— Есть погибшие?

— ...Все сгорели до углей.

Руководитель снова спросил:

— Сколько человек погибло?

Тот снова заглянул внутрь, а через некоторое время вылез обратно и сказал:

— Там два черепа, оба обугленные, невозможно разобрать, кто это.

Руководитель оставил несколько человек разбираться с котельной, а остальных предупредил, что пока всё не выяснено, никто не должен распространять слухи или сообщать об этом, после чего всех отпустил.

В ту ночь Хэ Шэньпин почувствовал, что что-то мешает ему в подушке. Он посмотрел и обнаружил, что там, помимо его нота, лежат ещё деньги, пятиконечная звезда и записка.

На одной стороне записки было имя и адрес: Дуань Сюэр, общежитие текстильной фабрики, комната шестнадцать.

На другой стороне было написано: «Пожалуйста, господин Хэ, передайте ей лично.»

Почерк на записке был похож на почерк Хэ Шэньпина, но штрихи были грубыми, как будто человек только учился писать, копируя образец.

Хэ Шэньпин сжал записку в руке и вспомнил, как в течение месяца старый немой не только приходил слушать его лекции, но и часто после занятий долго жестикулировал, чтобы спросить, как написать то или иное слово. Хэ Шэньпин обладал хорошей памятью, и,

внимательно вспомнив, он понял, что, хотя порядок был хаотичным, те слова, если их собрать в правильной последовательности, как раз составляли две строки на обеих сторонах записки.

Всё казалось подготовленным именно к этому дню, к этому взрыву.

Хэ Шэньпин уехал задолго до того, как произошёл взрыв в котельной, но даже к моменту его отъезда он так и не понял, зачем старый немой заперся в котельной вместе с Эр Хоу, почему они оба погибли при взрыве. Однако он смутно чувствовал, что этот взрыв как-то связан с уходом Ван Бина.

А прочитавшие письмо Хэ Юйлоу и Вэнь Юэань, казалось, увидели всю картину целиком.

Хэ Юйлоу взял письмо, залез под кровать Вэнь Юэаня и пролежал там до глубокой ночи, не выходя.

В полночь Вэнь Юэань крикнул с кровати:

— Шиге.

Хэ Юйлоу ответил:

— Ты не должен был меня останавливать.

Прошло много времени, прежде чем Вэнь Юэань тихо сказал:

— Но учитель Хэ...

Хэ Юйлоу прервал его:

— Если бы отец был здесь, он бы тоже не остался в стороне.

Вэнь Юэань промолчал.

Хэ Юйлоу вылез из-под кровати, повернулся спиной к Вэнь Юэаню и сказал:

— Вэнь Юэань, ты не похож на человека из нашей семьи.

Сказав это, он ушёл.

Вэнь Юэань в темноте тихо произнёс:

— Шиге, я... ношу фамилию Вэнь.

Несколько дней они не разговаривали.

Через несколько дней Хэ Юйлоу увидел, как Вэнь Юэань молча сидит в углу и читает книгу, которую он раньше помог ему достать. Когда Вэнь Юэань закончил читать, он никак не мог поставить книгу обратно на высокую полку, чуть не упав с инвалидного кресла.

Хэ Юйлоу подошёл, чтобы помочь Вэнь Юэаню поставить книгу на место.

Вэнь Юэань держал книгу, не глядя на Хэ Юйлоу и не говоря ни слова.

Хэ Юйлоу сказал:

— Юэань, дай мне книгу.

Вэнь Юэань крепко держал книгу, не желая её отпустить, и его глаза постепенно покраснели.

Хэ Юйлоу смягчил тон:

— Дай мне книгу, я её поставлю.

Вэнь Юэань покрасневшими глазами смотрел на Хэ Юйлоу, его глаза были полны слёз, но ни одна не выкатилась.

Хэ Юйлоу никогда раньше не видел Вэнь Юэаня таким. С детства он был малоэмоциональным, и даже чтобы заставить его сказать пару лишних слов или улыбнуться, требовалось много времени. А сейчас он, казалось, был на грани слёз.

В груди юноши возникло чувство, которое он не мог точно определить. Ему хотелось, чтобы этот мальчик снова засмеялся и никогда не плакал; но в то же время у него была тайная, слишком плохая даже для него самого мысль: он хотел, чтобы Вэнь Юэань действительно заплакал, чтобы он мог часто доводить его до слёз.

Хэ Юйлоу тут же подавил эту ужасную мысль.

Он придвинулся к лицу Вэнь Юэаня и с улыбкой сказал:

— Дай шиге возможность услужить тебе, хорошо?

От этой улыбки слёзы Вэнь Юэаня действительно покатились по щекам.

Хэ Юйлоу поспешил вытереть их платком, но он делал это неосторожно. В холодную зиму плакать и так было неприятно для кожи, а нежное лицо Вэнь Юэаня покраснело, как будто его

вот-вот сотрут. К тому же Вэнь Юэань плакал тихо, не жалуясь на боль, и Хэ Юйлоу почувствовал, что совершил большую ошибку, и стал извиняться перед ним.

Вэнь Юэань всё ещё молчал, только смотрел на Хэ Юйлоу, продолжая плакать.

Хэ Юйлоу подумал немного, затем достал сливовый леденец и протянул его Вэнь Юэаню.

Вэнь Юэань был ещё ребёнком, и, увидев конфету, не смог удержаться и потянулся за ней, но на полпути отдернул руку, отвернулся и с лёгким плачем сказал:

— Я не буду есть ваши конфеты.

Хэ Юйлоу развернул конфету, положил её в рот Вэнь Юэаня и, пока тот ел, взял книгу и поставил её на полку. Затем он присел, посмотрел в глаза Вэнь Юэаня и серьёзно сказал:

— Ты — часть нашей семьи.

Вэнь Юэань хотел что-то сказать, но Хэ Юйлоу перебил:

— Я был неправ. Неважно, похож ты или нет, ты — наш. Я больше не буду говорить глупостей, и ты тоже не говори.

Вэнь Юэань с покрасневшими глазами промолчал.

Хэ Юйлоу хотел достать ещё одну конфету, чтобы утешить Вэнь Юэаня. Обычно он давал ему по одной конфете в день, но сейчас у него их не было, и он хотел пойти за новой. Хэ Юйлоу подумал, что Вэнь Юэань решил, будто он раздражён и хочет уйти, поэтому, когда он повернулся, Вэнь Юэань схватил его за запястье.

Вэнь Юэань слегка сжал руку Хэ Юйлоу и тихо сказал:

— Шиге, не уходи.

Хэ Юйлоу улыбнулся, повернулся и приподнял бровь:

— Ммм?

Вэнь Юэань отпустил его руку, и улыбающееся лицо Хэ Юйлоу снова приблизилось:

— Тсс, больше не плачешь?

Вэнь Юэань почувствовал, что его обманули, и больше не хотел разговаривать с Хэ Юйлоу.

Хэ Юйлоу с улыбкой спросил:

— Пойдём играть на фортепиано?

Вэнь Юэань не ответил.

Хэ Юйлоу намеренно сказал:

— Сегодня поиграем в четыре руки, пойдёшь?

Вэнь Юэань показал некоторое желание.

Улыбка Хэ Юйлоу стала шире:

— Сегодня снова посоревнуемся? Если выиграешь, я назову тебя шиге, как тебе?

Глаза Вэнь Юэаня загорелись.

Хэ Юйлоу с хитрой улыбкой повернулся и пошёл к фортепиано, оставляя Вэнь Юэаня сзади и задавая вопрос с соблазнительной интонацией:

— Пойдёшь, а?

Вэнь Юэань тут же повернул инвалидное кресло и поехал за ним.

Конечно, Вэнь Юэань всё равно не смог его победить.

Он снова должен был называть Хэ Юйлоу шиге, и так продолжалось ещё несколько лет.

Наконец, Вэнь Юэань тоже вырос из мальчика в юношу, и в его мемуарах первый подробно описанный праздник середины осени, праздник середины осени года И-сы, приближался.

Тем летом Хэ Юйгэ привела домой подругу из школы для девочек. Её звали Чан Лянъянь, она была дочерью чиновника, с короткой стрижкой, лицо её было не так красиво, как у Хэ Юйгэ, но в ней чувствовалась энергичная натура, яркая, как подсолнух, прямолинейная, как героиня из комиксов, которая смело любит и ненавидит.

Когда Чан Лянъянь вошла во двор дома Хэ, Хэ Юйлоу как раз играл на фортепиано. К тому времени его мастерство уже достигло высокого уровня, и он часто сам сочинял музыку, создавая произведения, которые мог исполнять только он. Чан Лянъянь, услышав музыку, которая отличалась от всего, что она слышала раньше, с любопытством пошла за Хэ Юйгэ внутрь.

Все в доме умели играть на фортепиано, поэтому Хэ Юйгэ не могла понять, кто играет, пока не

подошла к двери и не увидела спину Хэ Юйлоу. Она открыла шкаф для обуви и сказала:

— Лянъянь, подожди, я принесу тебе тапочки.

Чан Лянъянь, глядя на спину Хэ Юйлоу, ответила:

— Ага.

Хэ Юйлоу закончил играть и повернулся.

Чан Лянъянь как раз сняла обувь, и её белые ноги стояли на полу. Солнечный свет, падающий из двери за её спиной, мешал Хэ Юйлоу разглядеть её лицо, но он видел её фигуру в школьной форме, с поясом, и короткую стрижку, слегка отливающую золотом на солнце. Затем он услышал её звонкий, улыбающийся голос:

— Привет, Хэ Юйлоу.

<http://bllate.org/book/15543/1382981>